

Николай
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

НОУ-ХАУ
ПАДАЧА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии художников
В. Щербакова, Г. Саукова

Иллюстрации художника *В. Нартова*

Леонов, Николай Иванович.
Л47 Ноу-хау палача / Николай Леонов, Алексей Макеев. —
Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-095747-7

В городском парке с интервалом в несколько дней обнаружены трупы двух молодых девушек. Причина их смерти — искусственно вызванная патология сердца. Полковники МВД Гуров и Крячко предполагают, что имеют дело с намеренным убийством. Но кто мог совершить такое изощренное преступление? Сыщики изучают окружение погибших и выходят на медицинский центр, подпольно занимающийся исследованием редких сердечных болезней. Гуров начинает знакомиться с его деятельностью и приходит к страшному выводу: убитые девушки — не последние жертвы кровавой серии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095747-7

© Макеев А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Ноу-хау палача

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Отделение судебно-медицинской экспертизы на «Кантемировке» окутала тишина. Длинный, точно вытянутая кишка, коридор, подсвеченный тусклым светом дежурного освещения, пустовал. Многочисленные двери, выходящие в продолговатую кишку, держали закрытыми. Простоватые пластиковые таблички указывали на особое предназначение скрытых за ними помещений. Помещение для приема трупов, холодильная камера, комната для одевания, помещение для хранения органов и тканей, шкафы-хранилища личных вещей, гистологическая лаборатория, судебно-химическая лаборатория, траурный зал выдачи тел. Десятки комнат, и у каждой своя функция.

Единственная дверь, со скромной надписью «Секционная», оставалась слегка приоткрытой, и из нее сочился холодный люминесцентный свет. Хозяин помещения явно не боялся оказаться потревоженным. Будучи представителем довольно экзотической профессии, он не превратился с годами в мизантропа. Напротив, чем становился старше, тем сильнее ценил дружеское общение и тем активнее вовлекал в это самое общение давних друзей и приятелей. Это была первая причина, по которой он не беспокоился о том, что его могут потревожить.

Второй причиной являлось само помещение. Вернее, то, для чего его использовали. Безобидное название «секционная» на профессиональном жаргоне судмедэкспертов звучало как «разделочная», и разделявали в ней отнюдь не птицу и даже не крупный рогатый скот. Здесь происходило вскрытие трупов. Не

установили личность? Добро пожаловать в «секционную». По-знакомились с огнестрельным оружием или схлопотали топор в голову? Вам туда же. Есть сомнения в естественности причин смерти? Без знакомства с «разделочной» вам не обойтись. Самим трупам, разумеется, от названия и назначения комнаты ни холодно ни жарко, на то они и трупы. А вот обывателю в эту часть здания лучше не забредать. Вид «секционной» неизменно наводит ужас на случайных посетителей. Кафельная плитка на полу и стенах отливает синим, заставляя кожу покрываться мурашками. В центре, под огромной регулируемой лампой, какие обычно используют в операционных, расположен стол из нержавеющей стали. Стол этот особый: с бортами, желобками — и установлен под уклоном. Угрожающего вида раковина с бытовым краном и стоком для крови. Каталки из той же нержавеющей стали, расставленные вдоль стены. Набор инструментов из тридцати трех предметов разложен на двухуровневом передвижном столе. На один этот стол посмотришь, и в памяти тут же всплывают кадры из фильмов о Франкенштейне. Долото шестигранное, зонды хирургические, щипцы костные, нож хрящевой, и это далеко не полный список. Одних ножниц пять видов для различных нужд.

Вот почему открытая дверь никоим образом не могла помешать уединению хозяина «секционной» или отразиться на его работе. Впрочем, в эти предутренние часы пообщаться с судебно-медицинским экспертом Сергеем Юрковым, патологоанатомом Царицынского морга, желающих не было. Тело умершего, ожидающего начала процедуры вскрытия, не в счет: у подопечных Юркова уже не было и не могло быть ни стремлений, ни желаний.

К работе своей Юрков старался относиться философски. За тридцать пять лет он насмотрелся всякого. Смерть уже не шокировала его, не заставляла скорбеть, не вызывала чувства безысходности. Она попросту потеряла в его глазах свое первоначальное значение. Такой подход к жизни и смерти давал Юркову возможность приходить домой после долгого рабочего дня и получать удовольствие от простых человеческих радостей: чашки горячего чая, спортивных передач и очередной статьи в ежемесячном журнале «Судебная медицина».

Но иногда философская установка давала сбой. Работа задавала сложную задачку, или же жестокость случая, произошедшего с подопечным, зашкаливала, неважно. Просто наступал день, когда абстрагироваться от ситуации уже не удавалось, и тогда проблемы покойника становились вовсе не его проблемами. Они становились проблемами Сергея Юркова, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вторая неделя июня радовала москвичей теплом и распутившейся зеленью. Ожидание выходных, увеличенных благодаря грядущему всероссийскому празднику, создавало в городе особую атмосферу. Юркову же это обстоятельство добавляло массу дополнительных проблем. Все государственные структуры получили официальное «добро» на четыре дня безделья. Увы, к Царицынскому моргу это не относилось, график работы судмедэкспертов предстоящие выходные не затронули. Более того, спеша уладить все спорные вопросы и неотложные дела, сотрудники полиции шести административных округов Москвы, а также их коллеги из управления полиции метрополитена, линейных подразделений вокзалов и железнодорожных станций непрерывным потоком потекли к станции метро «Кантемировская», чтобы успеть до праздников «выбить» из судебных медиков срочные и несрочные отчеты о вскрытиях лежалых и свежих трупов.

Утро вторника для Юркова и его коллег ничем не отличалось от любого другого, но ближе к двум часам пополудни напряг со срочными и суперсрочными делами уже начал сказываться. В восемь вечера все «секционные» еще работали на полную катушку. К полуночи дорабатывали лишь самые стойкие, а к утренней заре в морге остались лишь трупы и Сергей Юрков, на которого, зная его покладистый характер, сбросили свои дела более молодые и семейные коллеги.

В свои шестьдесят три Юрков выглядел, да и чувствовал себя прекрасно. Высокий рост, вьющиеся волосы цвета воронова крыла, слегка посеребренные сединой, изумрудные глаза, волевой подбородок, греческий профиль и весьма незаурядная мускулатура — все это заставляло женские сердца сжиматься и замирать в груди всякий раз, как Юрков появлялся в обществе. Сам он женского общества сторонился, по большей части как

раз из-за своей внешности, вернее, из-за того, какой эффект она оказывала на слабый пол. Главную и единственную любовь своей жизни, супругу Екатерину, Юрков похоронил восемь лет назад и с тех пор жил вдовцом, находя ввиду отсутствия детей утешение в работе.

Он отработал почти двадцать часов, когда «труповозка» доставила нового подопечного. Оформил труп ворчун Мироныч, санитар из приемного отделения. Он же получил на руки документы, включая постановление о разрешении на вскрытие от следственных органов и скромненькую приписочку от лица начальника районного ОВД «Марьинский парк», сообщающую о первостепенной важности переданного дела.

От непрерывной многочасовой работы Юрков чувствовал усталость во всех мышцах и собирался отложить осмотр трупа до утра. Угрызений совести это решение у него не вызвало, так как дневную норму он успел выполнить и даже перевыполнить, а начальник ОВД может передавать сколько угодно писулек о важности и срочности. У них всегда все срочно.

Юрков бегло просмотрел бумаги: молодая женщина, личность не установлена, найдена в парковой зоне Марьино, открытая рана в затылочной части черепа. Ничего интересного. Сообщив Миронычу, что проведет вскрытие неизвестной на следующий день, он собрался уходить, но санитар принялся ворчать о том, как тяжела его работа и как надоело в одни руки тягать покойников из приемки к холодильникам. Пожалев его, Юрков вызвался помочь загрузить труп неизвестной в холодильную камеру. Лучше бы он этого не делал! Лучше бы, поддавшись первому порыву, отправился домой, к подушке, набитой бамбуковыми листьями, и к удобным тапочкам. Но все сложилось так, как сложилось. Юрков вызвался помочь, Мироныч с радостью ухватился за это предложение, а дальше все случилось само собой.

Каталка с телом неизвестной стояла в коридоре напротив лифта. Юрков в ожидании остановился у дверей комнаты с холодильными камерами. Мощным толчком санитар послал каталку вперед, придав ей ускорение. Колеса, смазанные накануне кем-то из усердных сотрудников, в одно мгновение набрали скорость и покатали по мраморной плитке со скоростью тя-

желовесного снаряда пушки времен Петра Великого. Не ожидавший от каталки такой прыти Мироныч растерянно следил за удаляющимся трупом. Воображение услужливо нарисовало картину: тележка врежется в дальнюю стену коридора, труп, точно ядро из катапульты, устремляется вперед, впечатывается в препятствие и вместе с штукатуркой и синей масляной краской оседает на пол. Тело испорчено, медицинская экспертиза сорвана, а начальник бюро судебно-медицинской экспертизы подписывает приказ об увольнении.

— Все, хана мне, — обреченно простонал санитар.

И в этот самый момент Сергей Юрков сделал шаг вбок, ловким движением ухватился за ручку пролетающей мимо каталки и дернул ее на себя. От резкой смены направления колеса каталки застопорило, дальний край повело в сторону и бросило на стену. Тонкая ткань одноразовой простыни взлетела вверх и скатилась на пол, открыв лицо неизвестной. Взгляд патологоанатома выхватил строгие черты лица в обрамлении копны рыжих волос. Юрков отшатнулся. «Катя! Моя Катя», — пронеслось в голове. Ощущение нереальности происходящего захватило целиком, заставив оцепенеть и тело, и мозг. На каталке лежала точная копия жены Юркова, такой, какой она была в свои тридцать лет.

— Серега, ты мой спаситель! — Облегченный вздох Мироныча раздался будто сквозь вату. — Я уж думал, кирдык покойнице, и мне заодно. Если бы не твоя реакция, искать бы мне с утра новую работу.

Юрков хотел отвести взгляд от лица женщины, хотел что-то ответить ему, хотел, чтобы наваждение прошло, исчезло, но оно не исчезало. Какой-то отдаленной частью мозга он понимал, что перед ним чужой, незнакомый человек, что эта женщина не может быть той, с кем он долгие годы делил кров и постель, но сходство было настолько сильным, что эмоциональная часть сознания отказывалась подчиняться рациональной. Что с Юрковым что-то не так, Мироныч понял, лишь когда подошел к патологоанатому вплотную. Взглянув на его побледневшее лицо и остановившийся взгляд, санитар озабоченно спросил:

— Серега, с тобой все в порядке? — Тот никак не отреагировал. — Эй, дружище, ты как?

— Накрой ее. — Голос Юркова прозвучал вяло и как-то безжизненно.

— Что? Ты о покойнице? — Мироныч в недоумении перевел взгляд с безжизненного лица неопознанного трупа на не менее безжизненное лицо Юркова. — С ней что-то не так?

— Накрой, — повторил Юрков.

Спорить Мироныч не стал. В конце концов, патологоанатом спас его шкуру, остановив тележку, за это и его причуды потерпеть несложно. Хочет, чтобы даме вернули похоронный саван? Да пожалуйста! Подняв с пола бумажную простыню, Мироныч накинул ее девушке на лицо и, оглянувшись, спросил:

— Так пойдет?

Юрков не ответил, продолжая таращиться на труп.

— Ну что, поехали? — вздохнул санитар. — Загрузим в холодильник, и ты свободен.

— Нет! — резко оборвал его Юрков. — Вези ее в «секционную».

— Зачем? Ты же хотел пойти отдохнуть? — удивился Мироныч. — До начала новой смены часа четыре, а ты хочешь, чтобы я оставил ее в «разделке»? По-моему, не самая разумная идея. Посмертные изменения, и все такое...

— Я не собираюсь оставлять ее до утра. Я собираюсь заняться ею немедленно.

— Вот те на! — опешил Мироныч. — Минуту назад что говорил? Что ноги не держат, что домой спешишь, хоть пару-тройку часов на родном диване вздремнуть. А теперь снова в лямку впрягаешься? Не дури, Серега! Отправляйся домой, никуда твоя красавица от тебя не уйдет.

Он собрался было посмеяться собственной шутке, в стенах морга старой как мир, но выражение лица Юркова тут же отбило охоту шутить.

— Мироныч, вези тело в «секционную», — повторил Юрков, развернулся и первым зашагал в направлении «секционной».

Вздохнув, санитар выровнял колеса каталки и покатил вслед за патологоанатомом. В «секционной» он надолго не задержался. Вместе с Юрковым ухватил ручки носилок, помог перебросить тело на стол и тут же удалился. «Тараканы», снующие в голове патологоанатома, его не интересовали.

Юрков дождался, пока Мироныч уйдет, плотно закрыл за ним дверь, включил лампу над столом и только после этого снял полотно, закрывающее лицо трупа. Мысленно он готовился к тому, что ощущение чего-то неотвратимого накатит с новой силой, но этого не произошло. Яркий свет восьми ламп развеял наваждение. Теперь Юрков смотрел на тело молодой женщины и не мог понять, чем она его зацепила. Рыжие волосы, прямой нос, аккуратный разрез губ — все это осталось. Но в этих чертах он больше не находил никакого сходства со своей покойной женой. «Видно, усталость сыграла со мной злую шутку», — решил патологоанатом, но пойти на попятный и отложить вскрытие до утра он уже не мог. Не хотел, чтобы по бюро пошли слухи о том, что он, мол, сдает, что возраст берет свое и выполнять сложную или срочную работу ему, Юркову, стало не под силу.

— Ладно, раз уж мы с тобой успели познакомиться, придется тебе потерпеть мое общество еще какое-то время, — обращаясь к покойнице, произнес он. — Итак, будем готовиться к работе?

Подготовка заняла не более пяти минут. Натянув на голову шапочку, Юрков надел фартук, нарукавники и плотные резиновые перчатки. Достав диктофон, вдавлив кнопку записи, продиктовал название города, дату и время начала осмотра и приступил непосредственно к осмотру, продолжая говорить вслух:

— Данное судебно-медицинское исследование осуществляется на основании отношения органов дознания с целью подтверждения или исключения насильственной смерти. Объект исследования — женщина, личность не установлена, на вид около тридцати лет, рост сто шестьдесят три сантиметра. Волосы ярко-рыжие, волнистые, распущены, головного убора нет. Труп женщины холодный, на теле проступают трупные пятна в завершающейся стадии гипостаза. Одета в трикотажную кофту с коротким рукавом бежевого цвета, поношенные джинсы темно-синего цвета, нижнее белье из синтетических тканей телесного цвета, спортивные кроссовки белой искусственной кожи на синей подошве. Документов или каких-либо иных предметов в карманах одежды не обнаружено. На теменной части головы имеется повреждение черепа размером два

на два сантиметра, с нарушением кожных покровов и костной структуры. Мозговое вещество разрушению не подвергалось.

Закончив описание внешнего осмотра, согласно правилам полного судебно-медицинского исследования трупа, подразумевающего обязательное вскрытие трех полостей, Юрков перешел к обязательному вскрытию полости черепа, так как единственная травма оказалась именно на голове жертвы. Внутренний осмотр лишний раз подтвердил выводы, сделанные им уже после внешнего осмотра: лежащая перед ним женщина умерла не от полученной травмы, а, напротив, получила ее уже после наступления смерти.

Далее патологоанатом действовал быстро и почти на автомате: выполнял требующиеся действия в строгой последовательности, продвигался от одного этапа к другому, не забывая описывать свои действия: вскрытие брюшной полости, извлечение внутренних органов, производимые с данными органами процедуры. Переход к грудинно-ключичному сочленению, осмотр органов на месте с последующим извлечением. Когда очередь дошла до исследования сердца, Юрков, как всегда на этом этапе, замедлил темп, чтобы не пропустить ничего важного.

— Наибольшая ширина, толщина, масса. Смотрим венечные артерии: продольный срез, поперечный срез. Атеросклеротическое поражение отсутствует, сужение просвета отсутствует. Переходим к состоянию створок и клапанов: измеряем периметр клапанных отверстий, переходим к описанию сухожильных мышц... — Внезапно речь Юркова прервалась. Резко отдернув руку от извлеченного и помещенного на стол для препарирования органа, он принялся внимательно его рассматривать, продолжая при этом озвучивать происходящее: — Стоп! Возврат осмотра: к атеросклеротическим поражениям, от них идем к створкам и клапанам. Пришли? Пришли. И что же мы видим? Что видим?

Юрков замолчал, осмысливая то, что открылось его глазам. Длилось молчание довольно долго. Сначала он пытался убедить себя, что воображение вновь пытается сыграть с ним злую шутку. Затем, когда очевидное отрицать стало невозможно, начал размышлять над тем, к каким последствиям это приведет.

Бесспорным сейчас казался лишь тот факт, что черепно-мозговая травма к смерти девушки не имеет никакого отношения.

— Сердечный приступ, вот что с ней произошло, — вновь заговорил вслух патологоанатом. — Точнее сказать, разрыв сердечной мышцы, нарушение целостности стенок сердца. Рисунок разрыва и характер повреждения органа вызывают странное чувство узнаваемости. В исследуемом объекте есть нечто, что наводит на смутные воспоминания. Впрочем, оставим это и продолжим исследование. Итак: сердечные клапаны имеют ярко выраженную деформацию, вследствие чего папиллярные мышцы, обеспечивающие движение клапанов, не справились с данной функцией. Полагаю, разрыв папиллярных мышц произошел из-за резкого увеличения нагрузки на них. Что вызвало столь резкий скачок нагрузки, диагностировать затруднительно.

Переключившись на другие органы, Юрков завершил работу, отключил диктофон, но вместо того чтобы идти мыться, надолго замер над телом неизвестной, пытаюсь вспомнить, где видел подобную травму сердца. «Это случилось совсем недавно, определенно недавно, — подгонял он собственные мысли. — Ты должен вспомнить! Должен! Подобное в твоей практике встречалось нечасто. Стареешь, брат, память подводит. Еще пять лет назад тебе и пяти минут не понадобилось бы, чтобы восстановить любую картину в деталях. А теперь ты стоишь, как истукан, и копаешься в собственных мыслях, точно в мусорном баке, заполненном бытовыми отходами, пытаюсь отыскать золотую монету».

И все же воспоминания пришли, принеся с собой облегчение. Чуть больше недели назад он проводил точно такое же судебно-медицинское исследование неопознанного трупа девушки. Она была несколько моложе той, что лежала сейчас перед Юрковым, но вот причиной смерти и той и другой явился разрыв папиллярных мышц. Внутреннюю сердечную мышцу буквально разодрало что-то изнутри. Такое случается. Нечасто, но случается. Внутренняя межжелудочковая перегородка приходит в негодность, или же папиллярные мышцы, гоняющие кровь с помощью клапанов, истончаются, и происходит разрыв. Но только не в этих случаях. Визуально папиллярные